

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ЧАСТНОГО ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Паникарова С. В.

ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», Абакан, Россия (655017, г. Абакан, Ленина, 90), e-mail: panikarova@pochta.ru

Целью данной статьи является анализ особенностей эволюции института частного хозяйствования в аграрном секторе регионов Южной Сибири, обусловленных социально-экономическими и политическими изменениями на различных исторических этапах развития страны. В статье обоснованы отличия традиционного индивидуального хозяйства кочевников от классического крестьянского хозяйства. Выявлены особенности эволюции института частного хозяйствования на территории регионов Южной Сибири. Показаны тенденции развития индивидуального хозяйствования в аграрном секторе, обусловленные предыдущей траекторией развития. Представлены результаты исследования эволюции института частной собственности на скот. Делается предположение, что, несмотря на трансформацию, традиционные институты часто поддерживаются представителями коренных народов. Сделаны выводы о высокой степени адаптивности институтов частного хозяйствования и целесообразности ревитализации некоторых традиционных экономических институтов коренных народов Южной Сибири.

Ключевые слова: экономический институт, институт частного хозяйствования, аграрный сектор экономики, регион.

EVOLUTION OF INSTITUTION FOR INDIVIDUAL MANAGING IN REGION AGRARIAN ECONOMY OF SOUTHERN SIBERIA

Panikarova S. V.

Katanov State University of Khakasia, Abakan, Russia (655017, Abakan, Lenina, 90), e-mail: panikarova@pochta.ru

The purpose of this paper is to analyse the features of evolution of institution for individual managing in region agrarian economy of Southern Siberia caused by socio-economic and political changes at various historical stages of country development. In article differences of traditional individual economy of nomads from classical peasant economy are shown. Features of evolution of institution for individual managing in the territory of Southern Siberia regions are revealed. Tendencies of individual managing in agrarian sector which were caused by the previous trajectory of development are shown. Results of research of evolution of institution for private property on cattle are presented. Even the transformed institutions are accepted by members of national communities as earlier. Conclusions about high degree of adaptability of institution for individual managing and expediency of their revitalization are made.

Key words: economic institution, institution for individual managing, agrarian sector of economy, region.

Экономика коренных народов еще в начале XX в. предоставляла собой совокупность традиционных типов экстенсивного хозяйства, которые включали в разных сочетаниях земледелие, скотоводство, охоту, рыболовство, сбор дикоросов, ремесла и торговлю. На территории Российской Федерации сложилось несколько типов традиционного хозяйствования, некоторые из них на сегодняшний день практически исчезли или кардинально трансформировались (морская и оленная охота, северное таежное промысловое хозяйство). Другие, напротив, пережили этап ревитализации в период затяжного экономического кризиса 1990-х гг. и сегодня оказывают существенное воздействие на экономику национальных регионов и территорий (крупноотгонное и таежное скотоводство, земледелие в комплексе с лесными промыслами).

Актуальность научных исследований традиционных типов хозяйствования и поддерживающих их существование этнически маркированных институтов объясняется следующими обстоятельствами: 1) на территории российского экономического пространства сохраняется живая хозяйственная культура населяющих страну этнических групп, что является одним из факторов социально-экономического развития национальных территорий и отдельных регионов и должно учитываться при формировании и реализации региональной и территориальной экономической политики; 2) для полиэтнических регионов характерны некоторые особенности институциональной архитектуры и институционального строительства, обусловленные действием традиционных институтов. Эти особенности в случае их игнорирования, зачастую, становятся платформой для формирования институциональных ловушек, антиинститутов и т. п.[6].

В данной работе особенности трансформации экономических институтов коренных народов рассматриваются на примере автохтонных тюркских этносов Южной Сибири, включающих в себя средние и малые коренных народы (алтайцы, тувинцы, хакасы, шорцы, телеуты, тувинцы-тоджинцы) и проживающих на территории Республики Хакасия, Республики Тыва, Республики Алтай. Перечисленные регионы объединяет социально-экономическая отсталость, одной из причин которой является консервация в них (особенно в сельской местности) традиционного экономического уклада.

Цель данной работы – выявить особенности эволюции института частного хозяйствования в аграрном секторе регионов Южной Сибири, обусловленные социально-экономическими и политическими изменениями на различных исторических этапах развития страны.

В процессе интеграции коренных народов Южной Сибири в Российскую империю и позже, уже в период существования РСФСР и Российской Федерации, базовые институты хозяйствования трансформировались под воздействием одних и тех же факторов и показывали схожую эволюцию. Такое сходство позволяет проводить некоторые аналогии и обобщения. Поэтому далее автор более подробно останавливается на изучении трансформационных процессов экономических институтов хакасов, подразумевая похожую институциональную динамику на территории проживания алтайцев и тувинцев.

Традиционно основой экономической жизни большинства коренных народов Южной Сибири являлось скотоводство полукочевого типа, максимально приспособленное к местным природным условиям. Традиционное индивидуальное хозяйство скотоводов Южной Сибири отличается от классического крестьянского хозяйства в силу сложившихся форм организации труда, обусловленных спецификой подвижного скотоводства. Отличия эти проявляются в следующем: семья совпадает с отдельным хозяйством и включает представителей

двух поколений (хотя члены нескольких домохозяйств могут длительное время проживать совместно, выпасая скот на отдельных пастбищах); размещение кочевых хозяйств – дисперсное; высокая мобильность (место жительства членов кочевого хозяйства определяется потребностями производства, меняется в зависимости от сезона и состава стада); высокая степень индивидуализации труда (отдельные животные в стаде или часть стада могут принадлежать конкретным членам домохозяйства); легкость (часто необходимость) периодического деления хозяйства (имущества, т.е. скота); необходимость периодического трудового кооперирования.

Для коренных народов Южной Сибири, как и для всех остальных кочевых и полукочевых обществ, одним из ключевых экономических институтов являлся институт частной собственности на скот [3]. Необходимость института частной собственности на скот объясняется тем, что несмотря на меньшие затраты труда в экстенсивном скотоводстве, чем в земледелии, уход за животными более индивидуализирован, чем за посевами [8]. С правовой точки зрения, частная собственность на скот у кочевников является безусловной, но в практическом отношении она дополняется различными вспомогательными институтами. Среди наиболее распространенных «вспомогательных» норм института частной собственности на скот коренных народов Южной Сибири можно назвать следующие: передача некоторого количества скота на выпас; раздача скота для разведения с последующим возвратом, где человеку остается весь приплод; раздача скота на зимний прокорм; взятие лошади для трудовой деятельности; выделение доли скота взрослым детям; взаимные подарки скотом и др.

«Вспомогательные» институты частной собственности на скот поддерживали экономическую эффективность животноводства коренных народов Южной Сибири. Скотоводы содержали скот на естественных пастбищах, кочуя с летних стоянок на зимние и обратно. Специфика скотоводства экстенсивного кочевого и полукочевого предполагает рассеянный (дисперсный) характер распределения производственной деятельности. Концентрация больших стад животных в одном месте вела к перевыпасу, чрезмерному вытаптыванию травостоя, увеличению опасности распространения заразных заболеваний животных. Поэтому животных было выгоднее давать на выпас малообеспеченным сородичам или раздавать в виде «подарков», повышая тем самым свой социальный статус [2, с.117].

К середине 19 в. увеличение дифференциации, развитие товарно-денежных отношений и земельная политика по отношению к инородцам привели к тому, что на территории Южной Сибири начинают развиваться рыночные экономические институты. Вспомогательные институты частной собственности на скот меняют свою природу: из институтов родовой взаимопомощи они трансформируются в товарно-денежные институты. Устанавливаются расценки на услуги прокорма скота (в основном молодняка зимой) или аренду лошади.

При сохранении базовой нормы – частной собственности на скот, развитие вспомогательных институтов привело к диверсификации экономических отношений в скотоводстве. Разнообразие частнособственнических операций со скотом привело к увеличению возможностей повышения эффективности животноводческой деятельности и повышению конкурентоспособности скотоводства на территории Южной Сибири. Как следствие, трансформация институтов частной собственности на скот в конце 19 – начале 20 в. благотворно отразилась на качестве жизни коренного населения. Например, за относительно небольшой временной промежуток с 1890 г. по 1917 г. хакасское население выросло на 43 %, поголовье стада увеличилось на 31 % (при снижении доли экстенсивного скотоводства), площади орошаемых покосов и пахотных участков увеличились в 10 раз [1, с. 100]. Значительно выросло торговое скотоводство: в 1890 г. зарегистрировано 14 крупных скототорговцев, в 1909–10 г. – 69.

В первые годы советской власти проводилась политика военного коммунизма, затем НЭП. Сельское хозяйство было организовано на основе индивидуальных крестьянских хозяйств и сельскохозяйственной кооперации. Институты кооперирования не отвергались коренным населением Южной Сибири, поскольку не противоречили традиционным экономическим институтам хакасов. В этот период, вплоть до коллективизации, основной формой организации труда в сельском хозяйстве хакасов остаётся кочевое семейное хозяйство.

Коллективизация нарушила естественный процесс интенсификации и концентрации животноводства в крупных предприятиях на основе кооперации. Массовое обобществление скота не могло не вызвать психологическое неприятие номадов. При этом желающие работать индивидуально и имеющие для этого способности и энергию были лишены такой возможности.

В колхозно-совхозное время институт частного хозяйствования сохранился в двух вариантах: 1) в рамках совхозов в виде чабанских бригад; 2) в рамках личных подсобных хозяйств. В этот период ЛПХ населения были практически единственным носителем базовой нормы института частной собственности на скот. Крайне низкая оплата труда в колхозах вынуждала сельское население развивать свое личное хозяйство, несмотря на формальные ограничения государства.

Вспомогательные институты частной собственности на скот продолжали трансформироваться. Если раньше, до революции, экономические отношения по поводу собственности на скот возникали между бедняком и баем, в советское время – между коллективным предприятием и работником. Решением правления колхоза или соглашением с профсоюзом (для совхозов) устанавливались нормы взаимодействия коллективного предприятия и работника по поводу вспомогательных норм института частной собственности на скот. Некоторые примеры таких норм приведены ниже:

1. Коллективное хозяйство выделяло слабый молодняк на доращивание работникам (обычно скотники, ветврачи, телятницы могли взять – теленка, поросенка (если был в хозяйстве свиноплекс); чабаны – ягненка; и т.п.). К обозначенному времени скот сдавали в хозяйство. Оплата производилась в зависимости от набранного живого веса. Если скот не выживал, выяснялись причины. Если виновен был работник, взявший скот на доращивание, с него высчитывалась компенсация.
2. По решению правления колхоза (или по согласованию с профсоюзом совхоза) ЛПХ работников обеспечивались кормом. Варианты могли быть следующие: а) после заготовки планового объема кормов в коллективном предприятии незначительная часть распределялась среди работников в зависимости от отработанных трудодней (иногда едоков); б) при выполнении и перевыполнении плана уборочной или кормозаготовительной компании, каждый участник (например, механизатор) получал по определённому количеству зерна или сена (в процентах от перевыполненного плана);
3. Победившие в соц. соревнованиях животноводы (в основном телятницы и скотники) часто получали в качестве поощрения молодняк.

С распадом колхозов и совхозов в 1990-е годы во многих районах Южной Сибири возродился полукочевой тип землепользования. Выпас скота осуществляется на летних и зимних пастбищах. Большинство организовавшихся крестьянско-фермерских хозяйств используют производственную базу бывших колхозов (животноводческие стоянки, кошары, фермы, сельскохозяйственную технику и т.п.), разделенную согласно доле каждого работника колхоза по имущественному паю. Как правило, эти крестьянско-фермерские хозяйства возникли путем объединения близких родственников [5].

Возможность иметь свой скот по-прежнему является одной из базовых ценностей народов Южной Сибири. Сотрудниками Института философии и права СО РАН в 2001–2003 гг. проведено масштабное исследование ценностных ориентаций народов Сибири. Среди прочих респондентам задавался вопрос: «В какой мере для Вас важны следующие стороны жизни?», и по каждой из 24 предложенных ценностей они давали оценку по позициям «очень важно», «не очень важно», «неважно» [7]. В таблице 1 представлены некоторые результаты этого исследования, касающиеся ценностей материального достатка.

Таким образом, для 59 % из общего числа опрошенных хакасов и 66 % - тувинцев и алтайцев, возможность иметь собственный скот является очень важной жизненной ценностью. Нужно отметить, что ответы русских и тюрков по этому пункту существенно отличаются. Именно ценность «иметь свой скот» среди других исследованных ценностей (всего 24 ценности, относящиеся к сферам семьи и брака, условий жизни, материального достатка и богатства, труда, общения, образования, родного языка, политической деятельности) у корен-

ных народов Южной Сибири существенно выше, чем у русских. По другим ценностям таких заметных отличий в оценках не отмечено.

Таблица 1. Базовые ценности народов Сибири, касающиеся сферы материального достатка

№ п/п	Ценности жизни	Доля ответов «очень важно», %			
		Русские	Хакасы	Алтайцы	Тувинцы
1	Иметь богатую обстановку в доме	26	30	31	45
2	Иметь автомобиль	56	54	55	57
3	Иметь свой скот	33	59	66	66
4	Много зарабатывать	68	75	74	75
5	Иметь собственное дело	31	29	40	46

На рис. 1 представлена распространенность института частной собственности на скот за период 1890–2010 е гг. в целом по региону и в отдельном национальном районе (преимущественного проживания хакасов), выраженная через количество условных голов скота, приходящихся на одно хозяйство населения в среднем.

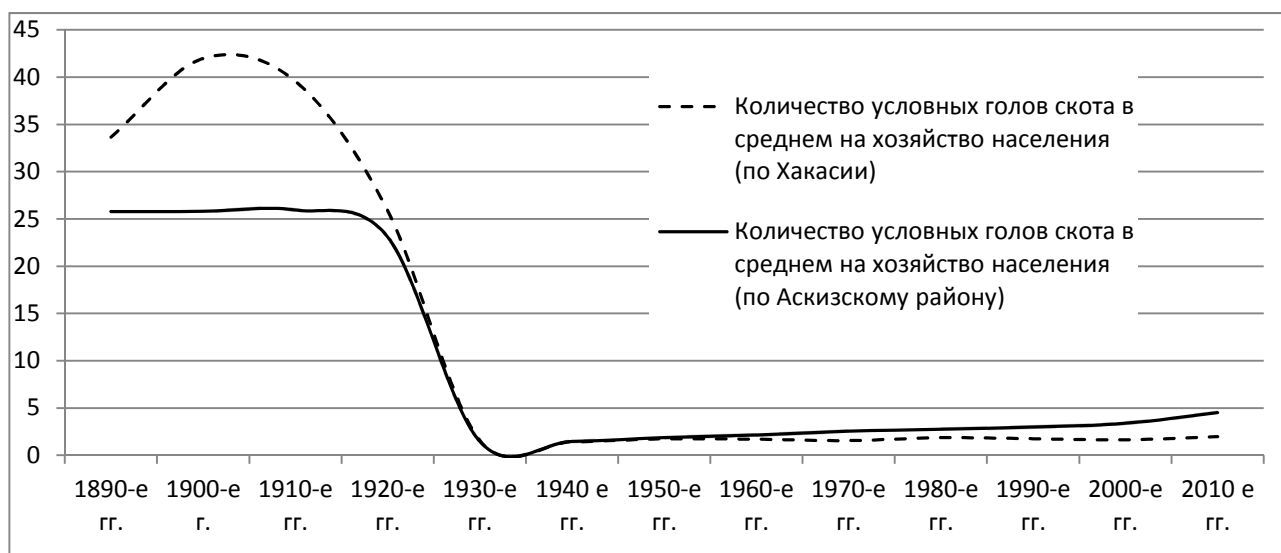

Рис. 1. Эволюция института частной собственности на скот¹

Как видно на рис. 1, коллективизация практически разрушила институт частной собственности на скот в регионе, но как только представилась возможность, хозяйства населения Хакасии стали увеличивать поголовье. Причем в районах преимущественного проживания хакасов этот процесс протекал заметно интенсивней: в 1940 г. в национальном районе количество условных голов скота в среднем на одно хозяйство населения было выше средне-региональных на 2 %; в 1970 г. – на 64 %; в 2010- г. – на 130 %. Скорость восстановления института частной собственности на скот после негативного внешнего воздействия в национальных районах была на протяжении всего исследуемого периода заметно выше, чем в целом по региону.

¹ Рассчитано автором по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасии и ГКУ РХ «Национальный архив» (Фонд № Р-169, Описание № 1 – Д.: Ежегодные итоги учета скота).

Вспомогательные нормы института частной собственности на скот продолжают трансформироваться и в настоящее время. Примером такой трансформации может служить норма распределения овец на возвратной основе, получившая в последние годы распространение в национальных районах Южной Сибири.

В условиях трансформации сельскохозяйственного производства за последние 80–90 лет, распада прежних форм хозяйствования (колхозов) и появления новых (крестьянско-фермерских хозяйств), личное подсобное хозяйство остается единственной формой производства, в наибольшей степени сохранившейся в этот период [4].

На рис. 2 представлена эволюция института частного хозяйствования на примере одного из национальных районов Хакасии. Институт частного хозяйствования за исследуемый период пережил две серьезные трансформации. Первая связана с формальным запретом традиционного индивидуального хозяйствования коренных народов Южной Сибири в период раскулачивания. В колхозно-совхозное время институт трансформируется в чабанские бригады в рамках колхозов-совхозов и отчасти сохраняется в рамках личных подсобных хозяйств. Вторая трансформация института связана с кризисом АПК в середине 1990-х гг. и, как следствие, распадом большинства совхозов (особенно овцеводческих). С середины 1990-х гг. институт функционирует в рамках крестьянско-фермерских хозяйств и товарных скотоводческих ЛПХ населения.

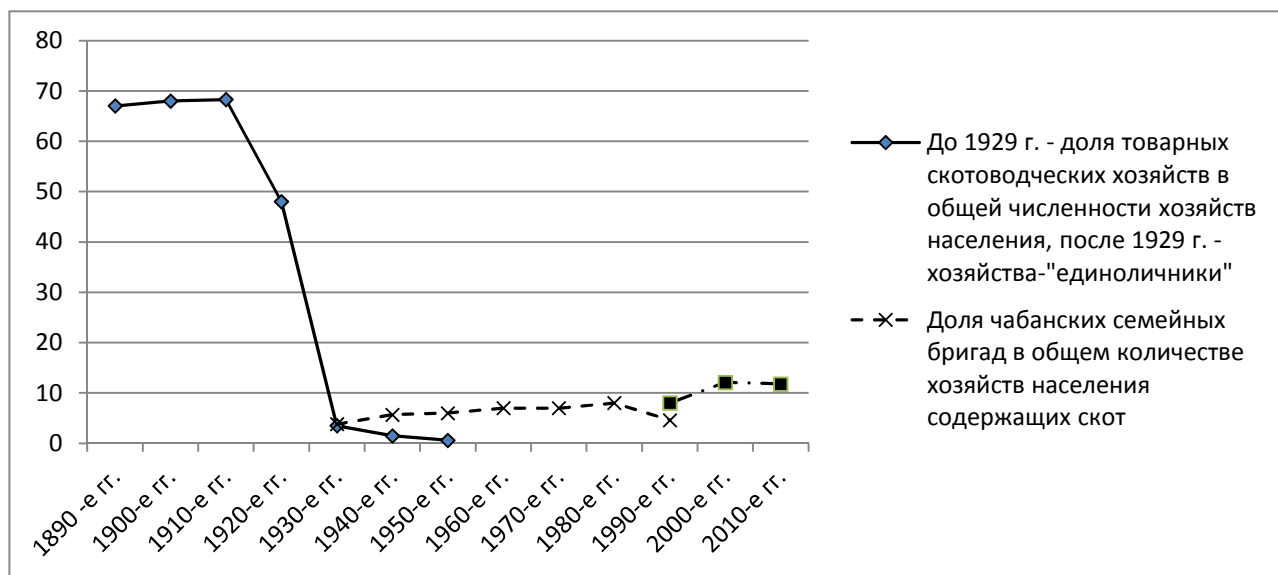

Рис 1. Эволюция института семейного кочевого хозяйствования в Аскизском районе Республики Хакасия¹

Таким образом, в процессе исследования выявлены следующие особенности эволюции института частного хозяйствования в аграрном секторе Южной Сибири:

¹ Рассчитано автором по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасии и ГКУ РХ «Национальный архив».

1. В настоящее время на сельских территориях Южной Сибири сформировался специфический натурализованный уклад, основанный на мелком личном крестьянском хозяйстве, дополняемом различными элементами присваивающей экономики (охота, сбор дикоросов и т.п.). Возвращение к традиционным видам деятельности создает почву для ревитализации традиционных экономических институтов.

2. Несмотря на различную степень формализации, базовая норма частной собственности на скот сохранялась и разделялась большинством владельцев ЛПХ весь в течение всего исследуемого периода (1822–2012) без существенных трансформаций.

3. Вспомогательные нормы института частной собственности на скот трансформировались в течение исследуемого периода несколько раз: 1) середина 19 века – начало 20 века: из институтов родовой взаимопомощи в рыночные институты; 2) середина 1920-х – начало 1930-х: резкая трансформация из рыночных институтов в нелегальные и полунелегальные институты; 3) конец 1970-х – начало 1980-х – ограниченная формализация вспомогательных институтов частной собственности на скот; 4) середина 1990-х – до сегодняшнего времени: частичное возрождение традиционных вспомогательных норм института частной собственности на скот и трансформация их в рыночные.

НИР выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ «Проектирование эффективных рыночных институтов в заготовительной отрасли региона».

Список литературы

1. Бутанаев В. Я. Социально-экономическая история Хонгорая (Хакасии) в XIX – начале XX в. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2002. – 212 с.
2. Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. – Алматы: Дейк-Пресс, 2007. – 416 с.
3. Паникарова С. В. Факторы устойчивости институтов этноэкономики коренных народов (на материалах Республики Хакасия) // Журнал экономической теории. – 2013. – № 3. – С. 108-114.
4. Паникарова С. В. Этническая специализация хозяйств населения // АПК: Экономика, управление. – 2011. – № 12. – С. 31-36.
5. Паникарова С. В. Экономический потенциал хозяйств населения полиэтнического региона // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 1.
6. Паникарова С. В., Власов М. В., Чебодаев В. П. Институты развития этноэкономики // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 4. – С. 53-57.
7. Попков Ю. В., Костюк В. Г., Тугужекова В. Н. Этноты Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза). – Новосибирск: Изд-во «Нонпарель», 2003. – 128 с.

8. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. – 3-е изд., доп. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 604 с.

Рецензенты:

Крюков А. Ф., д-р экон. наук, профессор кафедры менеджмента ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», г. Абакан.

Акбердина В. В., д-р экон. наук, зав. сектором экономических проблем отраслевых рынков Института экономики УрО РАН, г. Екатеринбург.